

Николай Добролюбов

От Москвы до Лейпцига

Николай Добролюбов
От Москвы до Лейпцига

«Public Domain»

1859

Добролюбов Н. А.

От Москвы до Лейпцига / Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1859

ISBN 978-5-457-18688-0

Статья-рецензия Добролюбова посвящена критике либерализма, проблемам исторического прогресса, является значительной вехой в оценке путей развития России и Запада русской революционно-демократической критикой. Добролюбов показывает буржуазный характер большинства преобразований, реформ в Западной Европе, упоминаемых Бабстом, реформ не в интересах «западного пролетария», критик хорошо видит преемственность форм эксплуатации при феодализме и при капитализме. Произвол, насилие, грабеж при «просвещенном капитале» оказываются по существу близкими самодержавному строю России.

ISBN 978-5-457-18688-0

© Добролюбов Н. А., 1859

© Public Domain, 1859

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. Комментарии	10
--	----

Николай Александрович Добролюбов

От Москвы до Лейпцига

И. Бабста. (Из «Атеней».) Москва, 1859

Две великие партии существуют издавна между русскими учеными по вопросу об отношениях России к другим народам Европы. Одна партия выражает свое убеждение на этот счет формулой: «Россия цветет, а Запад гниет»; а когда ее представители приходят в некоторый пафос, то начинают петь про Россию ту самую песню, которую, по свидетельству г. Милюкова, в недавно изданных им заметках о Константинополе (стр. 130)^[1], оборванный мальчишка в константинопольской кофейной пел про Турцию, – а именно:

Нет края на свете лучше нашей Турции, нет народа умнее османлисов!
Им аллах дал все сокровища мудрости, бросив другим племенам только
крупичи разума, чтоб они не вовсе остались верблюдами и могли
служить правоверным.

Нет города под луною, достойного быть предместьем нашего
многоминаретного Стамбула ¹, да хранит его пророк. Нет в нем счета
дворцам и киоскам, дорогим камням и лунолицым красавицам.

Если бы Черное море наполнилось вместо воды чернилами, то и его
недостало бы описать, как сильна и богата Турция, сколько в ней войска и
денег и как все народы завидуют ее сокровищам, могуществу и славе.

Г-н Милюков заверяет, что его проводник из греков, переведши ему эту песнь, нагнулся к нему и шепнул, в pendant ² к ней, «Собаки! Настоящие собаки!..» (стр. 131).

Но дело не о собаках...

В противоположность первой великой партии, сейчас охарактеризованной нами, другая партия должна бы говорить: «Нет, Россия гниет, а Запад цветет». Но столь крайней и дерзкой формулы до сих пор в русской литературе еще не появлялось и, конечно, не появится, ибо никто из нас не лишен патриотизма. Партия, противная туркоподобной партии, останавливается на положениях, гораздо более умеренных и основательных. Она говорит: «Каждый народ проходит известный путь исторического развития; Запад вступил на этот путь раньше, мы позже; нам остается еще пройти многое, что Западом уже пройдено, и в этом шествии, умудренные чужим опытом, мы должны остерегаться от тех падений, которым подверглись народы, шедшие впереди нас».

К этой второй из двух великих партий принадлежит и г. Бабст, как удостоверяют нас, между прочим, его путевые письма, о которых мы намерены теперь говорить. Нужно отдать справедливость г. Бабсту: он является в своих письмах очень ловким адвокатом того дела, за которое взялся. На каждом шагу он умеет напомнить нам, как нас опередила Европа; в каждом немецком городке умеет найти какое-нибудь полезное или приятное учреждение, которого у нас еще нет и долго не может быть; по каждому из главнейших наших вопросов он представляет такие соображения и параллели, из которых ясно, что если уж Запад гниет, то и наше процветание придется назвать плесенью. Приведем несколько таких параллелей, сделанных им мимоходом, во время кратких отдыхов от скакания по железной дороге, как он сам выразился о своем путешествии» (стр. 1)^[2].

В Берлине, говоря о неудобствах бюрократии вообще, г. Бабст отдает, однако же, справедливость прусскому чиновничеству и делает при этом следующее замечание (стр. 45–47):

¹ Здесь разумею Москву с ее сороками, но никак не Петербург.

² Соответствие (фр.). – Ред.

Взгляните на прусского полицейского, на берлинского *Schutzmann*, войдите в первое присутственное место, в почтамт, в тюрьму, и на вас повеет все-таки иным воздухом; вы чувствуете себя и среди бюрократической атмосферы свободней, самостоятельней; вы знаете, что честь ваша не будет и не может быть оскорблена наглым поступком, безнаказанною, бессознательною грубостью; вы начинаете сознавать себя человеком свободным, который имеет свои права, начинаете понимать, что не вы существуете, работаете и живете для чиновничества, но что последнее существует для вас. С нами, русскими, происходят, как мне показалось, самые разнообразные изменения с первым шагом за границу. Мы, как хамелеоны, беспрерывно меняем цвета, покуда наконец не успеем примениться. Сначала русский является таким подобоострастным, вежливым, так боязливо подходит к чиновнику на дороге, к полицейскому, что обращает на себя общее внимание. «Вероятно, русский», – случалось мне не раз слышать о каком-нибудь пассажире, о чем-то упрасивающем чиновника железной дороги, и упрасивающем непременно уже о каком-нибудь снисхождении, о чем-нибудь противном правилам дороги. Чиновники при дорогах вообще чрезвычайно вежливы, и редко встретишь с их стороны отказ, если только есть какая-нибудь возможность услужить. Но потом, видя, как все угодливо, видя, что люди здесь свободны, наш брат начинает чувствовать в себе сознание собственного достоинства, самостоятельности, начинает хорохориться, и у многих прорываются уж барские замашки, своевольничанье и даже грубость, – но это до первого отпора. Дадут окрик, укажут на закон, и опять сделаешься как шелковый. Привыкнешь, конечно, обойдешься и станешь действительно гражданином, уважающим закон, сознающим и свои права и обязанности, – к сожалению только, кажется, до первого шага на родной почве, где нас разом обдаст иною жизнью, где вы и после короткого отсутствия, несмотря на радость свидания с близкими и друзьями, несмотря на родную вашему сердцу жизнь, чувствуете себя сначала неловко и не по себе. Вы отвыкли уже немножко от дикой обстановки, хоть и из Европы же заимствованной, но дикой по форме и переложенной как-то на казацкие нравы, и в то же почти мгновение вы чувствуете, как в вас самих начинают шевелиться скифские привычки, и смотришь – едва ступил на родную почву, норовишь уже кого-нибудь выбрать, хоть извозчика на первый раз.

Позвольте вам сообщить несколько наблюдений.

Много пришлось мне проехать таможен: везде вас встречает чиновник с холодною вежливостью; берут ваши воши, с невозмутимым спокойствием осматривают их; везде довольно народа, все это делается быстро, но без шума, без суетни, без грубости, без диких форм; комнаты, где смотрят вещи, – удобные; для всех есть место, и отпускают вас очень скоро.

Но вот бросает пароход якорь в Кронштадте. Подъезжает лодка с таможенными чиновниками и солдатами. Был с нами на пароходе денщик одного офицера, с которым ездил за границу. И он и мы все с любовью приветствовали родной край. «Вот они, орлы-то наши! – закричал, не выдержав, служивый, глядя на усачей таможенных. – Сейчас признаешь. Воинственное есть нечто». – Мы засмеялись, но не прошло и десяти минут, как слух наш был оскорблен самым грубым ругательством, которым чиновник чествовал одного из почтенных, увешанных медалями

усачей. Вот мы и у пристани в Петербурге. Все наши вещи взяли, ввели всю ватагу пассажиров в комнату. У одних дверей стоят два часовых, чтобы никого не впускать в комнату, где досматриваются вещи и куда должны входить пассажиры по частям. Грешно каждому из нас было бы пожаловаться на чиновников петербургской таможни. Они несравненно любезнее и обходительнее многих заграничных. Так же вежливо спрашивают вас, нет ли чего запрещенного, всеми силами стараются скорее вас отпустить; но спросим их же самих, и каждый из них сам сознается, что внешняя обстановка дика, многосложна, запутанна и отзывается осадным положением. «Что, брат, воинственное есть нечто? – спросил я служивого, с грустью ожидавшего своей очереди. «Точно, ваше благородие, порядок-то тот лучше-с».

Едете вы в Берлине на железную дорогу. Закон говорит, и в каждой карете прибито объявление, что для избежания сумятицы вы должны извозчику платить вперед, дабы извозчики не имели права толпиться у подъезда к станции. И действительно, вы приезжаете, носильщики берут ваши вещи, вы выходите, извозчик отъезжает, а на его место тотчас становится другой. Ведь очень просто, кажется. Посмотрим же на наши станции. Извозчики кричат: кто просит прибавки, кто ругается, что недодали; жандармы кричат, чтобы отъезжали, казаки грациозно трясут нагайками; а ведь ларчик так просто открывается, и можно избежать всей этой безурядицы. Дело только в том, что там нечего полиции ни изъяснять закона, ни истолковывать его по-своему. Постановления об извозчиках найдешь прибитыми в каждой карете или коляске; каждый извозчик знает грамоте, и он не может отговориться незнанием, точно так же как ни полиция, ни кто иной не может с него потребовать ничего лишнего. Чего бы мы, следовательно, ни коснулись, какой бы вопрос ни затронули – результат один, что без грамотности ничего не сделаешь и что и образовании одно спасение.

Заметки и сравнения такого рода беспрестанно делаются г. Бабстом в его письмах. Осматривает он библиотеку в рославльском университете: его поражает обыкновение, господствующее здесь, – снабжать книгами из нее учителей гимназий, даже иногородних, и он сравнивает с этим прекрасным обыкновением печальное положение наших библиотек, в которых большая часть книг похоронена, как в гробу, – точно будто библиотека имеет единственно назначение архива. – Ходит он в Берлине по гуляньм и музеям: он обращает внимание читателей на то, как дешевы и просты у немцев изящные удовольствия, как легок доступ в музеи, как развит интерес к изящным искусствам во всем народонаселении. – Проезжая мимо одного местечка, наш путешественник встречает сцену мирной семейной жизни саксонского лесничего: он не упускает рассказать, как жена лесничего прядет лен и пряжу отдает ткань, как сам лесничий носит пальто из грубой парусины, ходит пешком и пр. И затем прибавляет: «Бедный, глупый окружной начальник саксонских королевских лесов! Как же ты не дошел, много учившись и трудившись, до простой операции с попенными деньгами, обращающимися в хороших лошадей, в коляски, шляпки, тонкое полотно, вытканное, может быть, из той же пряжи, которую продала твоя жена?» (стр. 91). Осматривает г. Бабст элементарную школу в Лейпциге: и тут находит он повод сделать несколько любопытнейших приращений к нашему быту, указывая на отношения между собою служащих лиц в лейпцигской школе. Здесь, говорит он, все просто, все показывает вам, что люди, собранные здесь, имеют в виду одну цель и общими силами, каждый в своей сфере, к ней стремятся. Директор – это тот же учитель, только с большей опытностью, и другие учителя доверяют ему, но и сами

имеют в своем деле голос и суждение. Затем, переходя к нашим училищам, г. Бабст рассуждает (стр. 134–135):

Вся разница между такою организацией училищ и другою, внешним образом, пожалуй, с нею и сходною, состоит в том, что здесь директор имеет значение и первенство действительно только потому, что он ведет целое заведение, а вовсе не потому, что он старше чином или кавалер, тогда как в иных местах он прежде всего начальник и из-за начальнического своего значения забывает свое настоящее положение и цель своей должности. В одном месте цель и назначение каждого директора и учителя – воспитание, образование детей, в другом обязанность директора – это быть исправным по службе, чтобы была у детей хорошая выправка, чтобы на ногах мозолей не было, чтобы дружно кричали дети «Здравия желаю!», чтобы застегнуты были мундиры. Может ли директор, будь он отличнейший человек и педагог, заботиться и действовать в пользу образования так, как бы ему хотелось, когда —

Свежо предание, а верится с трудом —

все внимание его было обращено не на учение, а на порядок, когда приезжавшие ревизовать его начальники об учении не только не заботились, но даже и не могли справляться, когда они больше всего смотрели на стены, да на мундиры, когда под заботой о нравственности детской разумелась забота о стрижке волос. Чиновничество всосалось во все стороны нашей педагогической жизни, развилось до удивительных размеров и породило такую сложную администрацию, которой подобную не встретим мы в целом мире. Штатный смотритель, стоя в полном мундире униженно перед директором училищ, распекает, в свою очередь, бедного уездного учителя, осмелившегося явиться к нему без формы. Каждая гимназия совершенно, подумаешь, на военном положении, — столько в ней сторожей и солдат: одни для чистоты, другие для порядка, одни, чтобы по субботам сечь мальчиков, другие, чтобы мыть их. Довольно того, что в гимназиях на сторожей расходуется нередко гораздо более денег, чем на всех учителей. Но кому это неизвестно? Все мы это хорошо знаем, у всех у нас оно перед глазами; наши директора, наши учителя – первые от этого страдают и жаждут выйти из такого неестественного положения; им главным образом оно невыносимо и грустно, – я же, с своей стороны, прибавлю здесь одно скромное замечание, что и за образцами ходить не нужно далеко. Администрация наших частных пансионов, которые в отношении к ученью не только ни в чем не уступают гимназиям, но даже во многом превосходят их, хотя лучшие учителя одни и те же и здесь и там, – администрация их, своей простотой и экономией, могла бы во многом служить образцом для будущей реформы гимназий. И это не мое личное мнение, но многих из моих почтенных товарищей-учителей. Когда содержатель пансиона с четырьмя надзирателями и прислугой из пяти-шести человек может вести заведение, где обучается до 150 мальчиков, – неужели же невозможно то же самое и в гимназиях? Наконец, за образцами можно обратиться и к нашей старине. Она иногда может дать очень спасительные советы. Я сам воспитывался в гимназии, которая в 1838 году управлялась директором да советом учителей, из которых один исправлял директорскую должность, когда сам директор отлучался на ревизию уездных училищ. При гимназии был всего только один

сторож (*Calefactor*), и все было в порядке. Я помню живо наше удивление, когда вдруг явилось раз в 1840 году, во время утренней молитвы, новое лицо и когда нам объявили, что это инспектор. К чему? зачем? – этого, вероятно, хорошо никто не мог объяснить – ни мы, ни директор, ни сам инспектор, ниже кто другой. Инспектор был прекраснейший человек, умевший снискать впоследствии глубокое уважение целого города, но сам же сознавался, что он – лицо совершенно лишнее, мало того – что его появление внесло своего рода безурядицу, вместо ожидаемого свыше порядка, – безурядицу уже потому, что директор не мог сносить нового лица, с которым ему пришлось делить свои занятия.

Вообще письма г. Бабста наполнены указаниями на хорошие стороны европейской жизни, которых еще недостает нам. И этого еще мало, что он признает в Европе много хороших сторон: он даже не думает, подобно некоторым из наших мыслителей и ученых, – что Европа умирает, что в ней нет живых элементов. Напротив, он подсмеивается над *широкими натурами*, которые свысока смотрят на *мещанские* привычки Европы. Пусть там и мещанские натуры, – замечает он, – да вот умели же устроить у себя то, чего широкие натуры никак не могут добиться, при всем своем желании!.. И при этом почтенный профессор не сомневается, что Европа все будет идти вперед, и теперь даже лучше – тверже и прямее, – чем прежде. В прежнем своем шествии она, по мнению почтенного профессора, делала много ошибок, состоявших именно в том, что верила в возможность совершить что-нибудь вдруг, разом; теперь она поняла, что этого нельзя, что прогресс идет медленным шагом и что, следовательно, все нужно изменять и совершенствовать исподволь, понемножку... На этом медленном пути у Европы есть теперь надежные путеводители: гласность, общественное мнение, развитие в народах образованности – и общей и специальной. С этим она уже неудержимо пойдет вперед, и никакие катастрофы впредь не увлекут ее. Теперь даже и гениальные люди и сильные личности не нужны Европе: без них все может устроиться и идти отлично, благодаря дружному содействию общества, умеющего избирать достойных и честных деятелей для каждого дела. Вот подлинные слова г. Бабста (стр. 17):

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Речь идет о книге А. П. Милюкова «Афины и Константинополь» (СПб., 1859). Рецензию на нее Добролюбова см.: V, 484–488.

2.

И. Бабст в «Письме первом» говорил о своих впечатлениях, схваченных «на лету»: «... не успеешь еще обжиться, ознакомиться, а тут календарь говорит: поезжай далее – и ваш путешественник записывает наскоро свои заметки, собирает свои пожитки, прячет записную книжку в карман, спешит на станцию железной дороги и скачет далее».